

О, эта статья пишется концентрически. Будто бы автор помещен в разъятый центр круглого крутящегося стола. Стол завален рукописями, прожектками, воспоминаниями, именами, мнениями, манифестами, календарями, но больше всего — занозами. Чья это проблема? Стола пишущего, объёма материала, материала стола? На лету выхватываешь цитату: «...разве эта случайность, адекватная случайному развитию твоей мысли, не есть самая фундаментальная реальность?»

Роман Тягунов,
Меморандум большого жюри премии «Мрамор»

Содержание:

- А. Чтобы поближе познакомить читателя с жизнью и творчеством екатеринбургского поэта Романа Тягунова¹, мы приводим творческую биографию нашего героя.
- Б. За прошедшие 17 лет отсутствия РТ была проделана большая работа по собиранию и сохранению, изданию и интерпретации его наследия. Нам показалось уместным и необходимым рассказать читателю об этом.
- В. Мы основывались на документально подкреплённых фактах.

А.

Роман Львович Тягунов (1962–2000) — поэт, исследователь языка, авантюрист, мистификатор, корифей уральской рекламы, ярчайший представитель свердловского андеграунда. В его творчестве органически сочетаются поэзия и математика, злободневные темы и метаязыковые рассуждения, гармония и энтропия.

Роман Тягунов родился в Свердловске в 1962 году. Его родители работали в разных областях научного знания, которые пересеклись и претворились в творчестве их сына: «28 июля 1962 года. Я (филолог) — Льву Тягунову (математик): “Имя? Роман. Тебе — ром, ом; мне — роман. Согласен?”» (АИ, 119)². Через несколько лет родители развелись и «поделили детей» — Роман переехал жить с отцом на юго-запад Свердловска, а младшая сестра Наташа — осталась с мамой на Уралмаше.

РТ учился в школе №121, о чем свидетельствует его дневник с красноречивыми восклицаниями учителя, в основном касающимися партдисциплины, пограничной организации личности учащегося и тому подобными, оценки при этом — способные! В 1980 году поступил на матмех УрГУ со всеми вытекающими походами, скалолазанием, игрой на гитаре и песнями. В 80-е гг. завязываются творческие знакомства и литературные связи. Самые ранние известные стихи РТ относятся к 1987 году, подкреплённые публикациями в местной периодической печати. В этом же году свет увидела поэма «Письмо генсеку», изданная в самиздате и наделавшая в городе много шума. На рубеже 80–90-х гг. появляются самые узнаваемые, веховые тексты РТ: «В библиотеке имени меня...», «Не оставляй следов...», «В Михайловском зима перерастает в осень...», «Мой друг, пройдемся по Москве...», «У всех зеркал твое лицо...», «Россия — родина слонов...», «Я никогда не напишу о том, как я люблю Россию...» и другие.

По свидетельствам современников РТ пробовался в самых разных профессиональных сферах — от нянечки до программиста. Вспоминая Тягунова, поэт Юрий Казарин определил его талант как «шарообразный», «настолько многосторонний», что, пожалуй, другого такого человека в городе и не припомнить (АИ, 47–48). Я думаю, с этими словами можно согласиться, жизнь Тягунова бурлила проектной деятельностью: собственное творчество, литературные мистификации, многочисленные рекламные проекты, участие в предвыборных кампаниях, культурно-региональных проектах. Проще обобщить, чем перечислить, но все же: заведовал литературной частью журнала для инвалидов СССР «ГОЛОС» (1989–1990); придумал литературную мистификацию — поэтессу НАТАША АШАТАЯН и написал подборку её стихов, в роли которой выступила его подруга (1990); совместно с О. Щербаковым имитировал «ПОЭЗИЮ СУИЦИДА. Прощальные стихи», опубликованные в журнале «Несовременные записки» № 3, 1996; автор трёх несостоявшихся гимнов (1998–1999) — России на музыку Глинки, Екатеринбурга к 275-летию города и Уралмашзавода (совместный проект с музыкантом Вовой Синим); сотрудничество с фондом «Город без наркотиков», для кото-

рого создал антинаркотический слоган «ИГЛЕ НЕ ЛГИ» (кон. 90-х гг.); авторство победного слогана для предвыборной кампании Э. Росселя «Голосуй не за страх, а за совесть!»; идейный вдохновитель и организатор поэтической премии «Мрамор» за лучшее стихотворение о вечности (2000); сочинил стихи об убывающем времени для настенного перекидного календаря «Апострофы» (от др.-греч. ἀπόστροφος — «обращённый назад») на 2001 год, в который сам уже не попал...

А дальше — хрестоматийное: «Дверь выбили. Александр Иванович, Александр Иванович! — заревело несколько голосов. Но никакого Александра Ивановича не было».³

Б.

При жизни поэта не было издано ни одной его книги. По городу ходили только самиздатские сборники и публикации в периодической печати, хотя голос его и стихи звучали повсеместно. Книга, о которой так мечтал поэт, увидела свет уже посмертно⁴. Небольшого формата «Избранное» из 68 страниц, сегодня эта книга является большой библиографической редкостью. Помимо стихов РТ в книге представлено 8 авторских рисунков, иллюстрирующих тягуновскую концепцию письма: / АБВ ГДЕ ЁЖ? ЗИЙ /

Последующая глобальная публикация основного корпуса тягуновских текстов случилась спустя десять лет. «Библиотека имени меня»⁵ — книга, составленная Е. Касимовым на основе авторских рукописных и машинописных сборников и подборок стихов, является результатом сведения нескольких частных архивов. Несомненное достоинство книги — богатый иллюстративный материал, в том числе рукописей РТ. Но, как справедливо замечает В. Курицын, в статье посвященной РТ, в энциклопедии «Уральская поэтическая школа»⁶, «полноценного издания с надлежащей редакторской культурой до сих пор не существует» (УПШ, 398).

В следующем году, к 50-летию юбилею РТ, в журнале «Урал» (№ 8, 2012) высадился тягуновский десант: были представлены вспомогательные материалы о жизни и творчестве РТ и ранее не публиковавшиеся авторские тексты. Впервые были выведены на бумагу воспоминания близких друзей и коллег по перу — Е. Касимова, Е. Ройзмана, Н. Герасимовой, К. Патрушева, Д. Рябокопя, О. Дозморова и других. Появилась основательная аналитическая статья культуролога Г. Цеплакова, в которой автор намечает смысловые узлы будущего тягуноведения: тематически обозначает поэзию РТ — гражданская, философская, любовная лирика; выявляет важнейшие концепты поэтического мира РТ — время, бесполоый язык, сон, забвение, перевод (в смысле преодоления границы), экзистенциальные дыры и др.; обозначает связь с предшествующими направлениями и течениями в литературе и философскими идеями XX века. В этом же номере «Урала» увидела свет подборка стихов РТ к календарю «Апострофы», составленная Тягуновым на 2001 год, который он уже не увидел.

Бонусом к тягуновскому объёму номера стал «Трибьют Тягунову» — CD с аудиозаписями авторского чтения и чтением тягуновских стихов другими поэтами, вспоминающих его на страницах журнала. На сегодняшний день все материалы этого номера доступны в Интернете, на сайте журнала «Урал» в архиве, а диск с аудиозаписями выложен в группу РТ «В контакте». Если ещё пару лет назад стихи Тягунова в ограниченном объёме были представлены на сайте www.marginaly.ru, то буквально на днях упорядоченно они появились на портале СТИХИ.РУ.

В 2017 году в издательстве «Кабинетный ученый» вышла книга воспоминаний о герое — «Азбука имени: Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике. С приложением неизвестных и ранее не публиковавшихся текстов», редактор-составитель Н. Колтышева. Воспоминания о Тягунове дополнились в книге воспоминаниями следующего круга:

преподавателя РТ В. Харитонова, художника А. Шабурова, музыканта Вовы Синего, дизайнера Е. Охотникова, фотографа Д. Кунилова и многих других.

Безусловно ценны воспоминания мамы РТ — Аллы Анатольевны Тягуновой. Игру в слова и буквы, Алла Анатольевна отмечает у сына с раннего детства: «В три года написал букву П и говорит: — Какая молоденькая! — Почему? — Потому что такая тоненькая» (АИ, 119). Отстранённое восприятие буквы (знака), как материального объекта, проявляющего не конвенциональные свойства и принадлежащего одновременно системе языка и бумаге, визуальному ряду, осталось с РТ на всю жизнь: леттрისტские рисунки, каллиграфический почерк, и, конечно, палиндромия.

Также в «Азбуке имени» представлены две статьи Г. Цеплакова — расширенная версия журнальной публикации его статьи 2012 года и аналитически-текстологическая статья о найденной записной книжке РТ за 1999–2000 гг., которая проливает свет на авторскую кухню последних двух лет его жизни.

В этом же году Объединенный музей писателей Урала (Екатеринбург) начал формирование архива Романа Тягунова. В фонды ОМПУ были переданы материалы из частных собраний Н. Герасимовой и К. Патрушева, часть из которых была представлена на выставке в музее «Литературная жизнь Урала XX века».

«В библиотеке имени меня...» стала первой выставкой, посвященной жизни и творчеству РТ. На выставке были представлены рукописи, рабочие тетради, авторские машинописные сборники с автографами, личные вещи поэта, а также экспонировался календарь «Апострофы». Материалы выставки осветили как личность самого Тягунова, так и многочисленные культурные связи Свердловска-Екатеринбурга 80-х, 90-х годов.

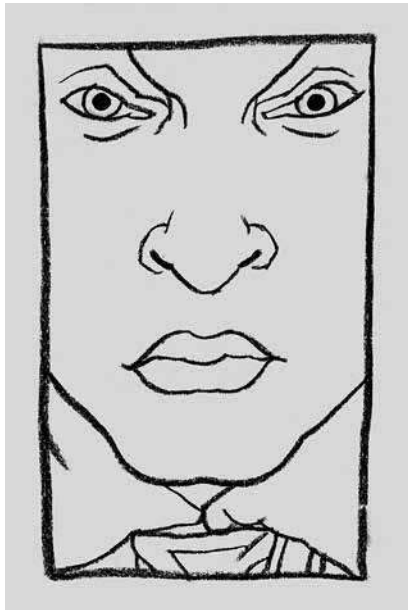
В.

В новейшей книге, посвященной РТ, представлен драгоценный материал — ранее неизвестные стихи РТ позднейшего периода и меморандум большого жюри некоммерческой премии «Мрамор» за лучшее стихотворение о вечности, которую в 2000 году задумал и организовал РТ при финансовой поддержке погребальной конторы «Мрамор-памятники» (АИ, 198). Уже ставшая легендой история этой одноразовой премии описана Ю. Казариным⁷ и Г. Цеплаковым, упоминания о ней содержатся в «Роттердамском дневнике»⁸ Бориса Рыжего и многочисленных воспоминаниях.

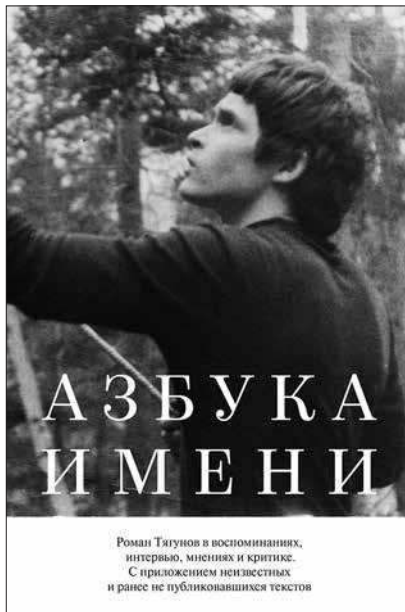
По всей видимости, меморандум премии РТ писал единолично, о чём свидетельствует запись на 113 странице его записной книжки: «*Сформулировать меморандум-манифест-письмо от имени жюри «Мрамор» в виде стихотворения, под которым подпишется всё жюри. Кто подпишется — тот и жюри!*» (АИ, 199). В итоге, в жюри вошли — Б. Рыжий, О. Дозморов, Д. Рябоконт и сам РТ, а меморандум увидел свет не в поэтическом, а в прозаическом виде. Интересен итоговый выбор жанра — меморандум (лат. *Memorandum* — буквально: *то, о чем следует помнить*). Повествование ведется от первого безызвестного лица, претендующего на голос Абсолюта.

Меморандум состоит из трёх частей с подзаголовками: «*Поэзия — Цитата Бытия*», «*Обнаружение истины*» и «*Скольжение*». Уже сами названия частей отсылают нас к разнообразным философским и литературным традициям, с которыми автор вступает в диалог, открыто полемизируя и жонглируя ими. Основными тезисами меморандума становится — «полуторастичность» мира, невыразимость истины в общеупотребительных терминах, фундаментальность случайности, недоказуемость поэзии.

В первом же предложении меморандума возникает фигура «вчерашнего солнца». Реминисцируя таким образом к известному манифесту русских футуристов «Пощёчина обще-

А. Шабуров. Роман Тягунов. 1988 г.

Азбука имени

ственному вкусу» 1913 года, говорящий сбрасывает его актуальность. В отличие от агрессивно настроенных футуристов, он проявляет полное безразличие к «оценке роли Пушкина в отечественной поэзии», при этом допуская и не репрессирова иную точку зрения, тем самым выказывая пренебрежение к позиции предшественников: «Слишком кропотливая забота о корнях так же нелепа, как и старательное их подрубание». Фигура Пушкина становится разменной монетой в манифестационной борьбе. Объявляя себя человеком XX века, исторически образованным и могущем «проследить свое родство с рептилией», Пушкин объявляется неактуальным. Но Тягунов не был бы Тягуновым (или поэтом?), если бы не обозначил двунаправленную связь этих возможных отношений: «тем более неизвестно, расшевелили бы мы в свою очередь его любопытство» (АИ, 105).

В следующей части меморандума автор обнаруживает современные стихи «в сфере притяжения герметической поэзии», которую интерпретирует вне литературно-исторических реалий (см. ит. l'ermetismo)⁹, но проводит авторскую трактовку её оснований: «Герметичность подразумевает адаптированность мира автору, а не адаптацию автора миру. <...> В чём смысл герметизма? В том, что он стереотипному мировоззрению механистических и фашистских теорий противопоставил индивидуализм. В чём слабость герметизма? В его пафосе». (АИ, 206–207). Отталкиваясь от представленной концепции герметической поэзии, автор не без иронии развинчивает её мировоззренческие основания. Говорящий озабочен ситуацией, в которой находятся современные авторы: «распределение сил, в которое они (авторы — прим. А. К.) включены, пока что содержательнее того, что они в эту систему координат вписали. Их стихи нечленораздельны, как инстинкт, в них нет ещё культуры интуиции». Молодой незрелой интуиции противопоставлен разум, но последний, в условиях царящего постмодернизма, замаскирован и скомпрометирован так, что «никто не рискнёт поднять его с земли, не боясь показаться смешным» (АИ, 207).

Пишущий меморандум на рубеже тысячелетий чувствует изменения, парящие в воздухе, и планомерно по ходу повествования проводит свою политическую линию, направленную уже на «молодое поколение, не имеющее пока что голос собственного регистра» (здесь

мне вспоминаются цитаты из воспоминаний о литературной дезориентации РТ на пороге миллениума). Привожу /независимую/ цитату современника РТ: *«Новое дыхание обретают поэтические вечера. Один за другим издаются поэтические сборники. Появляются новые имена и объединения. Я очень хорошо помню двухлетие после кризисного 1998 года. Тогда, на фоне финансовой нестабильности, действительно возникало чувство, что искусство, поэзия, хотя бы в рамках отдельно взятого города, уверено научились отбивать нездоровую атаку разрушительных осадков извне и сами начали наступление»*. (АИ, 169). И в это самое подвижное время, время смещения литературных моно-лит-ов РТ санкционирует новую поэтическую премию в Екатеринбурге (заметим, что через пять лет в городе появилась поэтическая премия с менее угрожающим названием — «ЛитератураРРентген», успешно просуществовавшая до 2011 года).

Последняя часть меморандума начинается с означивания *до сих пор* доминирующей поэтики: *«Поэзия напоминает сегодня тряпичную куклу или рукавицу, натянутую на пятерню или даже шестерню той самой «шестипалой неправды», в избу которой с «дымящей лучиной» пятьдесят с лишним лет назад вошёл поэт Мандельштам. И никто из неё до сих пор не вышел»* (АИ, 208). Здесь автор обращается к известному мандельштамовскому тексту «Неправда» (1931), констатируя, теперь уже точно, полную закрытость, зашоренность, но паразитирующую атавистичность такой поэзии, представляя саму её марионеткой в руках.

После такого откровения автору нужен свежий воздух, и он погружается в невозможный сказочный пейзаж, открывающий внутренние дали: *«Где-то есть поля и луга совести. Такие низины, где совесть разливается по утрам серебряной дымкой. Почему-то эти места видятся всегда необитаемыми и относятся за пределы урбанистического уклада жизни. Но нет, это не заезженные почвеннические первоосновы. В каждом доме самого заурбанизованного города есть пустующая квартира — а бывают и целые запущенные дома — где поселилась природа, где в замочную скважину видны эти самые утренние задымленные седые поля и луга»*. После передышки в пути он даёт ещё одно выстраданное признание: *«...разве уткнувшись лицом в лацкан своей совести, мы не думаем об истине как о чём-то заброшенном и либо рискованном, либо бесперспективном»* и признается — *«всё дело в мужестве»* (АИ, 209). Он говорит о совести, счастье, истине, очередях в магазинах, о единственно возможном переживании счастья и истины — как со-участия.

Поэзия недоказуема — утверждает автор. И единственный способ её познания, отслезивания её генезиса — это *«спотыкания», «перепрыгивания с пятого на десятое и даже на одиннадцатое или тринадцатое <...> Только такая непоследовательная последовательность способна ещё сохранить смысл»* (АИ, 209). Автор выступает с резкой критикой (псевдо)фундаментальных исследований и наукообразных текстов, провозглашая случайность *«самой фундаментальной реальностью»*, а *«скольжение кажущейся необязательной мысли»* и *«её прихотливый изгиб»* — отражением полноты.

Я не склонна к реставрации и мифологизации личности, против одноразовой трактовки творчества и застилающего взор угрожающего символизма. *«Вообще, всё это было бы крупным розыгрышем, если бы боль не расширяла зрачки, а унижение не изъедало бы душу»* (АИ, 211).

Вернёмся к началу. В новейшей книге, посвящённой РТ, представлен драгоценный материал — ранее не известные стихи РТ позднейшего периода и меморандум большого жюри некоммерческой премии «Мрамор» за лучшее стихотворение о вечности, которую в 2000 году задумал и организовал РТ при финансовой поддержке погребальной конторы «Мрамор-памятники»: *«Да-да! Можно на научной основе раскрыть эту жизнь и пришить к ней поэзию в качестве рукава или кармана, тогда будет ясно место поэзии, но о ней самой мы не узнаем больше того, что она рукав или карман, в зависимости от того, куда её пришили»* (там же).

У РТ совсем нет НАЗВАННЫХ стихотворений, наверное, потому, что по-тягуновски — стихотворение *«рекламирует само себя»* (АИ, 162). Но без исключения нельзя. Один из ранее не известных текстов РТ, найденный в архиве Н. Герасимовой, впервые опубликованный в «Урале» № 7, 2017 называется «Ручной сонет» — представляется деревянный ящик, внутри которого в несколько рядов размещены звучащие трубки, меха и металлический валик с шипами-кулачками. Ты поворачиваешь ручку, воспроизводится мелодия, записанная на валике, и повторяется, и повторяется: *«За гремучую доблесть грядущих веков...»* и:

*Я помнил всё. Я всё забыл.
Я чист, как чистый лист бумаги...
<...>*

*Все волки злые, как собаки:
Я еле ноги уволок
<...>*

*Читатель, не берущий в толк,
Писатель, не дающий в долг —
<...>*

Я всех забыл, но помню сон.

¹ Здесь и далее — РТ (по подобию подписи).

² Здесь и далее ссылки на книгу «Азбука имени: Роман Тягунов в воспоминаниях, интервью, мнениях и критике. С приложением неизвестных и ранее не публиковавшихся текстов / ред.-сост. Н. Колтышева. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. — будут даваться в скобках в сокращении и с указанием номера страницы.

³ Жизнь РТ оборвалась при невыясненных обстоятельствах. Его тело нашли утром 31 декабря 2000 года во дворе дома по адресу Шейнкмана, 19 (Екатеринбург). Существуют различные мнения и версии по поводу причин, которые привели к гибели поэта. По одной из них, РТ выпал из окна.

⁴ Тягунов Р. Л. Стихи / Р. Тягунов; Сост. Е. П. Касимов; Ред. Е. И. Маркина; Худож. Р. Тягунов, Н. Б. Козин, С. Е. Копылов. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. — 68 с.

⁵ Тягунов Р. Л. Библиотека имени меня: стихи / Роман Тягунов. — Екатеринбург: Автограф, 2011. — 175 с.

⁶ Энциклопедия. Уральская поэтическая школа: информационный арт-объект / [авт. проекта и гл. ред. В. О. Кальпиди]. — Челябинск: Десять тысяч слов, 2013. — 607 с.

⁷ Казарин Ю. В. Поэт Борис Рыжий / Ю. В. Казарин; [науч. ред. Л. Г. Бабенко]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 2009. — 309 с.

⁸ Рыжий Б. Б. В кварталах дальних и печальных: избранная лирика. Роттердамский дневник / Борис Рыжий. — Москва: Искусство — XXI век, 2013. — 574, [1] с.

⁹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин — М.: НПК «Интелвак», 2003. С.174.